

2013к

134

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Государственный Литературный музей

Н.П. АНЦИФЕРОВ.
ФИЛОЛОГИЯ ПРОШЛОГО
И БУДУЩЕГО

По материалам
международной научной конференции
«Первые московские Анциферовские чтения»
(25–27 сентября 2012 г.)

*ИРМ от ИМЛИ
Д. Москв
февр. 2013*

ИМЛИ РАН
МОСКВА
2012

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
№ проекта 12-04-14009г

Рецензенты:

д.ф.н. Т.А. Касаткина
к.ф.н. О.Ф. Кузнецова

Редакционная коллегия:

Н.В. Корниенко (ИМЛИ), А.А. Кутейникова (ИМЛИ), Е.Д. Михайлова (ГЛМ), Д.С. Московская (отв. редактор-составитель, ИМЛИ), Е.А. Папкова (ИМЛИ), Н.В. Петрова (ученый секретарь, ИМЛИ), Е.А. Осипова (ИМЛИ), В.В. Полонский (ИМЛИ), А.В. Святославский (МПГУ, МКО), М.В. Скороходов (ИМЛИ), М.Л. Федоров (ИМЛИ), К.А. Чекалов (ИМЛИ)

Н.П. АНЦИФЕРОВ. ФИЛОЛОГИЯ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО.

По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — 496 с.

Сборник составили материалы Международной конференции, посвященной различным аспектам научного наследия и биографии историка-архивиста, медиевиста, краеведа, урбанолога-экскурсиониста, историка и теоретика литературы, мемуариста Николая Павловича Анциферова (1889–1958). Представлены направления и результаты работы отечественных и зарубежных ученых-гуманитариев разнообразных научных дисциплин и школ, объединенных задачей комплексного представления реального содержания понятия «драматическая местность» как источника образов, сюжетов, конфликтологии и стилового воплощения пространства.

Вниманию читателей предлагаются междисциплинарные гуманитарные исследования и основанные на новых архивных разысканиях хроники, позволяющие определить место общественной деятельности и научных открытий Н.П. Анциферова в культурно-историческом и общественно-политическом ландшафте первой половины XX в. и оценить их актуальность для современной науки о литературе и гуманитарного знания в целом.

Рекомендуется историкам и теоретикам литературы, широкому кругу ученых-гуманитариев.

ISBN 978-5-9208-0425-9

© ИМЛИ РАН, 2012
© Д.С. Московская, составление 2012
© Авторы статей, 2012

39/400

ИМЛИ РАН

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Сборник научных трудов, объединенных именем выдающегося историка-краеведа, урбанолога-экскурсиониста, историка и теоретика литературы, архивиста, мемуариста Николая Павловича Анциферова, подготовлен по материалам Международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». Конференция открылась 25 сентября 2012 г. в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН, где 5 сентября 1944 г. Анциферов защитил диссертацию, и завершилась 27 сентября вечером памяти ученого в Государственном литературном музее, где с 1933 г. до своей смерти в 1958 г. работал Анциферов

Потребность объединить ученых различных гуманитарных знаний, направлений и школ — филологов-текстологов, теоретиков и историков литературы, археографов-источниковедов, музейных работников, краеведов, социологов, экскурсионистов-культурологов, градovedов-архитекторов — общим замыслом послужить своими исследованиями отечественной филологии *прошлого и будущего* возникла после публикации в ИМЛИ РАН к 120-летию со дня рождения Н.П. Анциферова его диссертационного исследования¹. Впервые тогда введенная в широкий научный оборот, она выдвинула на первый план проблему историко-литературной интерпретации «драматической местности», блистательно продемонстрировав, что художественная местнография есть не только литературоведческий сюжет, но тема, требующая специфической методологии ее обработки. Именно при изучении данной темы недостаточно быть литературоведом, нужна квалификация историка, искусствоведа, социолога, не говоря уже о специфическом краеведческом, *частном и конкретном* знании изучаемого предмета. Такое заключение сделал на защите диссертации Анциферова Б.В. Томашевский, подчеркнув, что выдвинутый Анциферовым научный предмет — новая и оригинальная область, где глубокие проблемы истории и теории литературы сопрягаются с общей историей культуры. Именно хронотопическая образность бескомпромиссно требует от научных представлений литературоведа соответствия изучаемой эпохе, а все попытки охватить упрощенными формулами и классификаторскими схемами «движущ-

стала генеральной точкой приложения усилий человека, что разрушительно повлияло на основания прежнего бытия.

В финале, когда Барыба окончательно обретает себя, он выглядит так: «Белый, ни разу не стиранный еще китель, серебряные солнышки пуговиц, золотые жгуты на плечах»⁸. Очевидно, что словарная семантика ключевого эпитета расширяется через активизацию православного компонента, вызывающего ассоциации с Таинством Крещения — созерцанием святого и спасительного света, т.е. Бога. Действительно, в этот момент герой переживает второе рождение — получает возделенную власть над людьми, окружающее его пространство переструктурируется: физический и ментальный его уровни сжимаются, отныне и навсегда свой мир Барыба заполняет только собою.

Свершившаяся перемена зафиксирована в финальном сравнении главного героя с «курганной старой воскресшей нелепой Каменной бабой» — изображением праславянского божества, символизировавшего начало непрерывной истории восточного славянства. Воскрешение этого символа можно рассматривать как знак рождения человека, открывшего новую модель мироустройства. Дополнительное тому подтверждение — апокалипсические грезы Тимоши: «ни Бога, ни земли, ни воды — одна зябь поднебесная»⁹.

Представляется, что именно такие трагические, пророческие смыслы таят замятинские картины бытовой жизни родного города, которая отныне и до века подчиняется не живому историческому и природному времени, символом которого всегда было медленное, могучее течение древнего Дона. Перехватившие власть «урядники» с «железными челюстями» подавляют и природные, и историко-культурные доминанты присвоенного ценою хитрости, подлости, предательства пространства и упиваются своей мифической, ничтожной значительностью, обслуживая циничных и расчетливых идеологов нового порядка, вроде Моргунова.

¹Крусанов П. Шинель Замятина / Литературная матрица. Учебник, написанный писателем. Т. 2. СПб.—М., 2010. С. 477.

²Замятин Е.И. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999. С. 155.

³Акимов В., Низовский А. Лебедянь. Визитная карточка. Воронеж, 2012.

⁴Замятин Н.С. Род Замятинных и Липецкий край. Липецк, 2010. С. 59.

⁵Замятин Е.И. Ук. соч. С. 56.

⁶Там же. С. 66.

⁷Там же.

⁸Там же. С. 89.

⁹Там же. С. 91.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ПЕТРОГРАД — ДВЕ УНИВЕРСАЛИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

А.М. Грачева

Алексей Ремизов родился и до 19 лет безвыездно прожил в Москве. В его сознании с детских лет Первопрестольная с ее маковками «сорока сороков», зелеными бульварами и поленовскими «московскими двориками» была константой добра. Отношение писателя к Москве можно уподобить любви к матери. Для Ремизова начиная с 1910-х гг. и до конца жизни древняя столица стала, пользуясь термином Николая Павловича Анциферова, воплощением «души» Русской земли. Об его отношении к родному городу говорит и тот факт, что в ремизовских поздних эмигрантских записях 1940–1950-х гг., дневниках сновидений тема возврата на Родину, означающая обретение «дома», «покоя», была постоянно связана с ночными сновидческими возвращениями в Москву.

Санкт-Петербург вошел в сознание Ремизова посредством форм не чувственного, а рационального познания. Его первичные базовые понятия о Петербурге были сформированы на основе классической литературы: произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского. Реальная встреча Ремизова с городом Св. Петра состоялась в возрасте 28 лет, в 1905 г., когда, после снятия запрета на проживание в столицах, он приехал в Петербург делать литературную карьеру. Непосредственное знакомство бедствующего начинающего писателя с петербургскими углами соединилось с книжными знаниями изображения подобных мест у русских классиков. Результатом социокультурного осмысления топоса Петербурга стала повесть «Крестовые сестры» (1910), представляющая собой завершение «петербургского текста» русской литературы XIX в.¹ Знаменитое описание места проживания главного героя повести — «Буркова дома» — это пример перебивания первичной топонимической конкретики литературными аллюзиями, подключавшими к авторскому описанию топонимическую

и тематическую семантику текстов Гоголя и Достоевского. При помощи подобного художественного приема изображение городского объекта (дома) расширялось до уровня символа: «Буркова дом — весь Петербург»².

Как известно, на волне антинемецких настроений в 1914 г. Санкт-Петербург был переименован в Петроград. Ремизов принадлежал к той части российского общества, которая крайне негативно отнеслась к изменению названия города. В это время окончательно оформилась историософская концепция писателя. Еще в начале 1900-х гг. Ремизов, пересмотревший свои былые революционные убеждения, отказался от представления о пути России как пути «исторического прогресса». Дорога России трактовалась им как тупиковая стезя «проклятого народа», обреченного на бессмысленные страдания. С середины 1900-х гг. ремизовская концепция направленно-исторического пути России изменилась. Он стал рассматривать его как органичное развитие национальной социокультурной модели. В его историософии появились такие категориальные понятия, как «Русская Земля» — социокультурное единство пространства, населявшего его народа и созданной им культуры; «Русь» — символ констант, составлявших духовные основы бытия русского народа; «Россия» — исторически-конкретная фаза развития Русской Земли; «Государство российское» — издавна органично развивавшиеся формы «уклада», «порядка», политической организации жизни. Согласно концепции Ремизова, всякие попытки резкой деформации или слома национальной социокультурной модели приводили к историческим катаклизмам — Смутам, в ходе которых сам народ, пройдя путь очищения страданием, восстанавливал исконный «наряд», «порядок» Русской Земли. Последней попыткой подобного нарушения была революция 1905 г. В таком же ключе Ремизов воспринял и события 1917 г., как февральской революции, так и октябрьского большевистского переворота.

Центральным произведением писателя, в котором тот осмыслил случившееся с Россией в 1917 г., стал роман-коллаж «Взвихренная Русь», писавшийся в годы революции, а опубликованный лишь в 1927 г. Топография этого романа четко ориентирована на отражение историософской концепции автора. Во «Взвихренной Руси» топоним «Москвы» сохранил в неизменном виде то же значение, что и ранее. Москва — Кремль — Кремлевские соборы остались для Ремизова символами корневых ценностей русского народа. Северная же столица представлена в виде альтернативно семантически заряженных двойников — Санкт-Петербурга и Петрограда.

Во «Взвихренной Руси» концепт «Санкт-Петербург» перестал быть отражением реального города, а стал историософской категорией. Соответственно изменились характеризующие его признаки и авторское отношение к нему. Концепт «Санкт-Петербург» перестал состоять из топографически конкретных реалий, в которых авторские воспоминания о своем непосредственном знакомстве с «петербургскими углами» соединялись с аллюзиями на «петербургские темы» Н. Гоголя, Вс. Крестовского, Н. Некрасова, Ф. Достоевского. На смену «Буркова дому» и прочим индивидуально-авторским составляющим города пришли банально известные топонимы, «визитные карточки» Петербурга. Взамен индивидуализации пришла идеализация. В новом восприятии Петербурга Ремизовым главным литературным ориентиром стало вступление к поэме «Медный всадник» и сохранившие пушкинскую семантику образы основателя города и его монумента. Если ранее восприятие Ремизовым Северной Пальмиры было эмоциональным соединением восхищения, боли и ненависти, то во «Взвихренной Руси» он писал о городе в стилистике надгробного «слова», в котором соединены жанры «плача» и «славы». Подглавка «Красный звон» части «Весна-красна» — это ремизовское «слово» в память Санкт-Петербурга как символа определенного, отошедшего в прошлое, насильственно прерванного этапа закономерного развития Русской Земли:

«Город святого Петра — Санктпетербург (так! — А.Г.)! / Полюбил я дворцы твои и площади, / тракты, линии, острова, каналы, мосты, / твою суровую полноводную Неву / и одинокий заветный памятник огненной скорби — / Достоевского, / твои бедные мостки на Волковом, / твои тесные Колтовские улицы, / твои ледяные белые ночи, / твои зимние желтые туманы, / твою болотную осень с одиноким / тонким деревцом, / твои сны, / твою боль. / Полюбил я страстные огни — / огоньки четверговые / на Казанской площади / и в стальные крещенские ночи / медный гул колокольный / Медного всадника. / Разбит камень Петров. / Камень огнем пыхнул. / И стоишь ты в огне — / суровая Нева течет»³.

Если в отношении линии «петербургского текста» Ремизов был одним из писателей, ее завершавших, то в плане «текста петроградского» он — среди его зачинателей. Петроград Ремизова — это двойник-антипод Санкт-Петербурга. Петр Первый строил город святого Петра, а не увековечивал собственное величие. Потеря имени, по Ремизову, означает превращение города из сакрализованного пространства в территорию, подвластную захватившим Россию inferнальным силам. Петроград «Взвихренной Руси» — это место, в котором нарушены все былые константы как территории, так и пребы-

вающего на ней социума. В нем все и все «бывшие». Вид и семантика городских локусов нарушена. В магазинах больше не продают продукты, в парикмахерских не стригут и т.д. Классические топосы Петербурга в Петрограде оборачиваются негативными двойниками бывших городских достопримечательностей: «на Исакиевской площади начали путать проволокой, <...> в Александровском саду расставлены пулеметы <...> по набережной навалены мешки» (с. 232); «Невский раскатистый с ухабами большой дороги. И всякий как и я,avorил ходить не по тротуару, а прямо» (с. 255). Петроград — это развернутое когда-то предсказанное пророчество «пусто место», по которому бродит ледяной ветер.

Центральное положение в антитезе «Санкт-Петербург—Петроград» занимает семантика строительства, символически истолкованного Ремизовым как в плане устройства России, так и в плане разрушения дела созидания, связанного с революцией в ее разных этапах.

Ремизов раскрывает тему строительства-разрушения через символическое истолкование столь популярного в революционные годы понятия «комиссар». Напомню, что после Февраля, воскресившего семантику Французской революции, «комиссарами» назывались чиновники, стоявшие во главе аппарата управления губерний и уездов. В дальнейшем это наименование было подхвачено, политически маркировано и широко использовано большевиками.

В разделе повествования под заглавием «Петербург» Ремизов обратился к петровскому времени. Рассказ о строительстве города и его мастерах предстает сюжетом «аполога». Основанное на архивных документах описание постройки мостов, перспектив, палат Петербурга и его окрестных «парадизов» (Стрельны, Петергофа) испещрено именами архитекторов, инженеров, ответственных за строительство, называемых «комиссарами», т.е. людьми, временно наделенными специальными полномочиями для выполнения определенного созидательного задания. Петровское время — это период строительства города, чье имя осмыслялось Ремизовым как символ этапа «упорядочивания», «устройства» Русской Земли. Финалом рассказа о перво временах является повествование о появлении после смерти Петра лжемастеров, казнокрадов, подобных некоему Антону Кормедону, прозванному «красной вороной» (т.е. попугаем). В итоге писатель превратил историю, основанную на документах, в притчу о современности, сравнив «комиссаров» — созидателей Санкт-Петербурга с петроградскими «комиссарами» — его разрушителями:

«Да, много бывало чудес на Руси, и каркать о ее погибели, только воздух портить! / Это я не вам, это я старикам петровским огородникам <...>/ вспоминают крутое Петровское время —/ когда были на-

стоящие комиссары: / — Обер-комисар Ульян Акимович Синявин! / — <...> Комисар Семен Михайлович Павлов! / — Светлейший Римского и Российского государств и главный генерал и кавалер Александр Данилович Меньшиков! / Настоящие комиссары, не эти <...>/ Но главное-то — эта «красная ворона», она им вот где <...> Антон Кормедон. / — Погубит, мерзавец!» (с. 378).

Таким образом, в художественном мышлении Ремизова периода революции и 1920-х гг. «Санкт-Петербург» предстал как историческая категория, характеризующая последний этап закономерного «устройства», развития России. «Петроград» же являлся символическим обозначением тотальной деструкции, городом-призраком, находящимся под властью демонических сил — разрушителей «наряда» Русской земли — «комиссаров».

Как известно, Северной Венеции была суждена дальнейшая метаморфоза — в 1924 г. из Петрограда он стал Ленинградом. Относительно отношения писателя-эмигранта к дальнейшему переименованию города сохранилась примечательная книжная маргиналия-шутка Ремизова на издании «Рассуждений кота Мура» Э.Т.А. Гофмана (М., 1929) с предисловием П.С. Когана: «А. Ремизов 3.И.1956 / Петр Семенович Коган — благожелательный критик-марксист кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака>/ при перемене Петрограда в Ленинград переименовался на Ленина Семеновича Когана»⁴.

Дальнейшая эволюция ремизовского «Петрограда» произошла в 1940-е—начале 1950-х гг. В книге мемуаров «Петербургский буерак» она фактически слилась с универсалией «Санкт-Петербург», поскольку обе они стали категориями «культурной памяти» автора.

¹ См.: Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259-367.

² Ремизов А.М. Крестовые сестры // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. Плачужная канавка. М., 2001. С. 111.

³ Ремизов А.М. Взвихренная Русь // Ремизов А.М. Собр. соч. В 10 т. Т. 5. Взвихренная Русь. М., 2000. С. 42. Далее цитируется в тексте с указанием страницы.

⁴ Архив Резниковых (Париж).